

КАК СТАНОВЯТСЯ ПИСАТЕЛЯМИ

Независимая газета. — 2000. — 25 мая. — с. 13

Об этом рассказывает автор сценария «оскароносного» советского фильма «Москва слезам не верит» Валентин Черных

Александр Щуплов

ВАЛЕНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ, может ли сценарист в кино быть самостоятельным?

— Только на первом этапе. Пишешь-пишешь свою вещь, потом приходит режиссер и говорит: «Ты знаешь, нужно это сдвинуть сюда». И сдвигаешь. Все — как в браке...

— И кто же в этом браке главный — иними словами, кто в «доме» хозяин?

— Хозяин в доме — режиссер! Никуда не денешься.

— И что — режиссер никогда не принимает никаких ультиматумов?

— Нет, конечно, как всякая жена, скандалишь, устраиваешь сцены, но все равно, в конце концов, решает он.

— А если вопрос слишком принципиальный: например, режиссер хочет убить героя в финале, а вы — оставляете его жить?

— Все решается очень просто: есть авторское право, есть авторская проза. Поэтому можно сказать: «Пошел ты туда-то!» И тогда кино просто не снимается, «замуж не выходишь». Так что действует очень четкий и жестокий закон. А вот если режиссер тебе нравится, если тебе хочется, чтобы он снял кино, ты начинаешь прогибаться под него...

— Четверть века назад вы принимали участие в экранизации романа Петра Проскурина «Судьба». В общем-то, получили вполне «народный» фильм, хотя к творчеству Петра Лукуча в писательской среде далеко не однозначное отношение...

— Знаю и знал еще тогда, когда принимался за сценарий.

— И что же вами руководило?

— А вот что: меня пригласил Евгений Матвеев. Он мне интересен как уникальная личность, как человек. Умен и хитер, как бес. Убедителен. Он просто меня совратил. Евгений Матвеев — чрезвычайно любопытный человек. Он меня так уговаривал, что в конце концов соблазнил. Я был тогда начинающим сценаристом, снял только два фильма. Так что согласился работать. Есть два способа экранизации: первый — когда слепой следуешь за автором; второй — когда не обращаешь внимания на него... Скажем, в первой серии фильма «Любовь земная» нет практически ни одной чистой реплики из романа Проскурина. Все переписано! Более того, если у Проскурина секретарь райкома соблазняет дочь своего приятеля, то в фильме — ничего подобного: он соблазняет его сестру. Здесь, я считал, никакой разницы нет. Конечно, Петр Лукуч был жутко настроен против меня. Во второй серии «Судьбы», хотя в титрах числилось трое сценаристов,

основная сценарная работа лежала на мне как на профессионале. Проскурин сильно возмущился. Я понимал его возмущение и поэтому снял свою фамилию из титров. Поскольку во второй серии меня в титрах не было, я Государственную премию не получил. За меня ее получил Матвеев...

— Обидно?

— Ничего, я позже эту премию получил. В те годы получить Государственную премию не было проблемой. Надо было всего-то пять лет подожать. В те годы все премии, как и ордена, подчинялись ранжиру.

— Кто для вас бог в вашей сценарной профессии?

— У меня никогда не было богов!

— Стало быть, вы безбожник?

— По мироощущению я — нормальный протестант. Хотя, вроде бы, православный. Меня крестили ребенком во время войны. Меня и моего младшего брата, которому было полтора года. Так что я православный, у меня есть крест.

— В церковь не ходите?

— Нет.

— В теннис не играете? На горных лыжах не катаетесь?

— Нет, нет.

— Вы не вписываетесь в современную тусовку. Так Госпремию в наше время не получишь!

— У меня уже есть Госпремия, зачем мне вторая? У меня и орден есть — Трудового Красного Знамени.

— Сейчас уже пошли Кресты. Опять вы отстали от моды! Кстати, помните, в начале перестройки на всех советских орденосносцев смотрели косо. Нынче, кажется, этим регалиям вернули прежнее достоинство.

— Все дело в тоске. В тоске людей по империи. Поэтому звание «Народный артист СССР» сейчас ценится больше, чем «Народный артист России». Оно более пышное, что ли, большое... «Лауреат Государственной премии СССР» в цене и по сей день, хотя мы все знали, что многие получали эту премию не за произведение искусства, а за его «нужность»... Вот что делает тоска! Я думаю, что это «правильная» тоска, потому что слишком уж одно время все мы шархнулись в сторону. Разве нельзя было спокойно перейти — так, чтобы все лишнее отмирало постепенно?!

— Кажется, сейчас все идет к возрождению имперского духа.

— Пока не вымерет наше поколение, мы будем стремиться к империи, и лично у меня все равно будет имперское мышление.

— Вроде бы уже приходит новое поколение: Путин и его питерские коллеги... А имперский дух витает над всей страной.

— Советской власти было 70 лет, каждые 7 лет менялось поколение —

стало быть, всего было 10 поколений. Господину Путину 47 лет. Значит, 10 или 15 лет назад он уже был сформировавшейся личностью. Пока не пройдет 20 лет, будем сталкиваться с рецидивами советского. У меня есть приятель, отставной военный, как увидит красный флаг — плачет: он за него воевал!.. Куда от этого денешься? С этим надо смириться.

— Кто вы по политическим убеждениям?

— Я, наверное, нормальный центрист.

— Это что такое?

— Центрист — это тот, кто понимает необходимость перемен и стоит за реформы. Но в то же время центрист помнит о том, что у нас была советская империя. Путин сказал замечательные слова: «Кто не жалеет о распаде Советского Союза, у того нет сердца».

Кто хочет его восстановить, у того нет головы». Я это понимаю. В застойное время у меня было все. Я четыре года был у Кулиджанова в застойном секретариате Союза кинематографистов... Потом, когда был избран революционный секретариат Климова, Элем включил меня в него — одного из немногих членов старого секретариата. — За какие заслуги? Умеете ладить с людьми? Соотвествовать?

— Но ведь Никита Михалков — диктатор?

— Дело вот в чем: ситуация сложилась довольно сложная. Выступая на последнем нашем пленуме, я говорил, что я — за Михалкова и другого лидера не вижу. Но команда, которую он привел, — диктаторская. Мне кажется, Никита начинает это понимать.

— Как вы относитесь к династиям в кино? Почему-то сын авиаконструктора не может научить своего сына конструировать самолеты, которые летают, а кинорежиссер — раз-два! — и сын уже умеет снимать фильмы, а дочь — в них сниматься!

— Тут ситуация очень сложная. Я сам долгое время был резко против династий. Будучи председателем приемной комиссии на Высших курсах, я старался не пропускать москвичей, потому что они и так пробьются. Я также пытался не брать людей из кинематографических династий. Но потом пришел к выводу, что кинематографические династии — совсем не хуже, чем династии другие. И там и там нужен талант. Правда, сейчас это уже приобретает характер таких династических «гнезд» и «семей».

— А потом мы неожиданно удивляемся киношной мафии и кланам!

— Клан у нас еще не стали такими жестокими. Скажем, клан Тодоровских: Тодоровский-старший, Тодоровский-младший, мать-продюсер, дочь Тодоровой — Вика, сценаристка (кстати, способная и умная девочка)...

— Ничего подобного, мне союз нужен. Я не настолько богат, чтобы называть хороших юристов, а юридическая защита мне порой очень нужна! Мне нужна творческая организация, которая всех нас объединяет, которая устраивает просмотры, которая соци-

Валентин Черных.

ально помогает старикам, которая обеспечивает нас информацией, издавая свою газету... Это и есть наш творческий профессиональный союз. К сожалению, на сегодня, кроме Михалкова, лидера, который мог бы возглавить такой союз, нет. Мы перебирали много людей, ища того, кто мог бы хоть что-то сдвинуть с мертвой точки. Сережа Соловьев — хороший человек, демократичный, но у него сложные связи с правительством, с бизнесом...

— Но ведь Никита Михалков — диктатор?

— Дело вот в чем: ситуация сложилась довольно сложная. Выступая на последнем нашем пленуме, я говорил, что я — за Михалкова и другого лидера не вижу. Но команда, которую он привел, — диктаторская. Мне кажется, Никита начинает это понимать.

— Как вы относитесь к династиям в кино? Почему-то сын авиаконструктора не может научить своего сына конструировать самолеты, которые летают, а кинорежиссер — раз-два! — и сын уже умеет снимать фильмы, а дочь — в них сниматься!

— Тут ситуация очень сложная. Я сам долгое время был резко против династий. Будучи председателем приемной комиссии на Высших курсах, я старался не пропускать москвичей, потому что они и так пробьются. Я также пытался не брать людей из кинематографических династий. Но потом пришел к выводу, что кинематографические династии — совсем не хуже, чем династии другие. И там и там нужен талант. Правда, сейчас это уже приобретает характер таких династических «гнезд» и «семей».

— А потом мы неожиданно удивляемся киношной мафии и кланам!

— Клан у нас еще не стали такими жестокими. Скажем, клан Тодоровских: Тодоровский-старший, Тодоровский-младший, мать-продюсер, дочь Тодоровой — Вика, сценаристка (кстати, способная и умная девочка)...

— Ничего подобного, мне союз нужен. Я не настолько богат, чтобы называть хороших юристов, а юридическая защита мне порой очень нужна! Мне нужна творческая организация, которая всех нас объединяет, которая устраивает просмотры, которая соци-

...И, естественно, ее мама — Виктория Токарева!

— Еще одна гигантская театральнокинематографическая династия — Гребневы. Или такой мощный клан, как Чухрай: если зацепить одного, то можно нарваться на совершенно неожиданные ситуации, потому что те же Чухрай связаны с Толстуховым, Гусинским, Табаковыми — отцом и сыном... Все переплелось.

У меня, к сожалению, сын стал юристом, моя падчерица — врач-биохимик. Но внуки будут в кино. Думаю, что будут! Я этого хочу!

— Чтобы было кому передать лиру?

— Нет. Когда-то я пришел в кино из провинции. Мне было трудно, не зная ни одного человека в кино, зарабатывать все своими силами. Поэтому хочу в начале их пути хоть немножко подтолкнуть, а потом видно будет...

— А если у внуков окажутся мозги технарей или душа будет лежать к естественным наукам? Будете портить им киношную жизнь?

— Конечно, если сами выберут — хорошо! А если не будут знать, куда идти, лучше помочь! Ведь всегда все помогали.

— Как не порадовать родному человеку?

— А всегда помогали! Это нормально!

— Вернемся к политике. С кем из нашего истеблишмента вы связываете свои надежды?

— Как ни странно, я связываю свои надежды с Путиным.

— Думаете, даст-таки Госпремию?

— Нет, премию от него я не получу.

— Выбрав Путина, вы как-то опять не в ногу идете со всей нашей «фруктовой интеллигенцией».

— В общем-то, в предвыборном раскладе мне, конечно, был симпатичен Явлинский. Но он как будто не в России родился: никак не может понять, что все его поведение — это поведение западного лидера, который к России не притерпелся.

Теперь о Путине. Меня не смущает,

кстати, его кагэбэшное прошлое. Уверен, на нынешнем этапе разброда президентом у нас мог стать либо военный — типа Лебеда, либо эмвэдэшник — типа Степашина, либо человек из какой-нибудь другой силовой структуры — того же КГБ. Только эти люди оптимально информированы о положении дел в стране, у них есть досье, они могут такое накопить...

— Не получится опять война компроматов? На всякое досье есть антидосье!

— Я не могу судить обо всем КГБ, или, как его сейчас называют, ФСБ. Но у меня был старый друг (много лет назад он был свидетелем на моей свадьбе) из этой системы. Я знаком был с его окружением, в котором открыто говорилось о партийном диктате, о коррупции милиции... Мне кажется, что в последние годы КГБ не было коррумпировано так, как это происходило с МВД. Хочется в это верить.

— Если переснять ваш фильм «Москва слезам не верит» с политическими лидерами вместо актеров, как бы вы распределили роли?

— Главную героиню — Катерину (в фильме ее играла Алентова) могла бы сыграть Любовь Слиска. Это — типичная Катерина. Целеустремленная, всегда в компании... Помните, между первой и второй сериями фильма пропущено 20 лет. За это время в жизни Катерины были и пленумы райкомов, обкомов, заседания и совещания, она была их участником и руководителем... Если бы Катерина была помоложе, она сейчас бы заседала в Думе. Слиска, как и моя Катерина, прошла через все это. Это такая категория руководителей, которые занимали значительные посты в профсоюзах и других союзах (хотя в Политбюро их было мало). На мой взгляд, это новое порождение советского общества было ужасно, причем чем ниже было социальное положение этих женщин, тем страшнее. Поначалу они были нормальными женщинами, затем почему-то стали выдавать мужчинам по рублю на обед, распорядиться в семье деньгами, при разводе детей отдавали только им... Такова была политика «возведения» женщин. Инициативного мужика прижали, лишили воли, денег, установили ему маленькую зарплату... И он уже — не охотник, не боец, не ходонок на баррикады.

— Ну а кто бы сыграл героиню Ирины Муравьевой с коронной фразой: «С бумагой в стране напряженка»?

— Это типичный Немцов! Он может продавать и то, и это...

— А героиню Рязановой? Кто у нас из политиков мог бы закручивать банки с огурками, вести дом, хозяйство? Жириновский?

— Нет, что вы! Конечно, Геращенко! Это надо сыграть спокойно, надежно, стабильно.

— Кто бы в нашем политическом театре продублировал Баталова и сыграл главного положительного героя?

— А вот нету такого!

— Обижаете! Смотрите, у нас одна Дума чего стоит! А какие молодцы в верхней палате!

— Разве что смесь Руцкого с каким-нибудь красавцем. Впрочем, нет, здесь мне трудно найти замену. Его по сценарию женщины очень любят!..

— Ну а телепелейбой шестидесятых Рудольф, сумевший вовремя сориентироваться и взлететь себе русское имя Родион?

— Это — типичный Жириновский.

— Жириновский за телекамерой?

— А что? Вполне нормально! Смотрите, какую роль сегодня он придает телевидению! Однозначно!..

— Можно ли в кино дружить? Или можно только дружить «против кого-нибудь»?

— Я не дружу.

— Вас устраивают только враги?

— К противникам отношусь бдительно.

— Это значит, выте первым?

— Иногда да. У меня есть и было несколько друзей. Например, покойный Леша Сахаров, который сделал фильм по моим первым сценариям «С весельем и отвагой», «Человек на своем месте», «Вкус хлеба». Это был надежный, очень порядочный человек. Я дружу с Верой Глаголевой — мы соседи по даче. Но таких вот дружб — групповых, коалиционных — у меня нет. Я не примыкаю ни к одной группировке, ни к одной «семье».

— Почему режиссеры женятся на актрисах, которых затем снимают? Любовь?

— Режиссер выбирает женский типаж «под себя» — тот, который ему по вкусу: например, ему нравятся блондинки, с такой грудью, с таким тембром голоса, с такой попой... Он выбирает, а потом мучается всю жизнь, потому что вынужден ее снимать...

— Ну, положим, мучается он не всю жизнь, а только до следующего фильма.

— Нет же, посмотрите, сколько существует режиссерских пар! Причем, чем старше режиссер, тем больше он снимает свою жену. Не будем говорить о степени талантливости, бог с ней! Колосов снимает только Касаткину...

— Меньшов — только Алентову.

— Он ее не снимал в картине «Любовь и голуби», да еще в «Розыгрыше», когда они были в разводе.

— Вопрос из классической теории: что нужно любить — себя в искусстве или искусство в себе? Как вы решили для себя этот вопрос?

— Ни то, ни другое. Я занимаюсь своим делом, потому что ничего другого не умею делать. Я вожу машину — но я очень средний шофер для того, чтобы работать таксистом. В детстве я мечтал стать врачом — но понял, что не пройду по конкурсу (тогда были такие дикие конкурсы!), к тому же у меня были проблемы с математикой и химией. В жизни я сменил несколько профессий: я был судовым сборщиком на судостроительном заводе — но очень плохим судовым сборщиком; я был авиационным механиком — но очень плохим механиком; я был рыбаком-матросом — но очень плохим рыбаком-матросом... У меня очень много профессий, и везде я был не самым лучшим. Там, где у меня стало получаться, я и остановился. Так становятся писателями.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Валентин Константинович Черных родился в 1935 г.

Окончил ФЭУ, работал сборщиком на судостроительных заводах, литсотрудником в газетах. В 1967 г. окончил ВГИК, в 1968 г. — курсы ТВ. В художественном кино дебютировал сценарием фильма «Человек на своем месте» (1973). Автор сценариев к фильмам «С весельем и отвагой», «Любовь земная», «Собственное мнение», «Красиво жить не запретишь». Заслуженный деятель искусств России. Лауреат Государственной премии СССР (1980). Фильм «Москва слезам не верит» в 1980 г. получил премию Американской академии кинематографии «Оскар» в категории «Лучший иноязычный фильм».